

А.А.Бурыкин

**ПОЗИЦИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В КЛАССИФИКАЦИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ И НОВЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ АЛТАИСТИКИ**

Опубликовано в кн. : 100 лет петербургскому корееведению. Материалы международной конференции, посвященной столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14-16 октября 1997 года. Санкт-Петербург, 1997. С. 19-26.

Изучение проблемы генетических связей корейского языка с другими языками Центральной и восточной Азии, в первую очередь с языками алтайской семьи - монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, тюркскими и японским - неразрывно связано с историей русского, конкретно - петербургского корееведения и востоковедения в целом. Все исследования в данной области так или иначе несут на себе печать истории российского языкознания в двух его аспектах - накоплении и осмыслении фактического материала по конкретным языкам и общетеоретических взглядов и установок. Современным исследователям, в особенности алтаистам и корееведам, представляющим европейскую и корейскую научные школы, подчас трудно разобраться в тонкостях истории алтайской проблемы и проблемы корейско-алтайского родства в русской лингвистической науке, и осмыслить причины того, почему спустя многие десятилетия эта проблема продолжает оставаться дискуссионной.

Первые труды, в которых обсуждается проблема родственных связей корейского языка с языками алтайской семьи, принадлежат известному финскому ученому Г.Рамстедту, начало научной деятельности которого также связано с традициями русского востоковедения. В первой половине 20-х годов факты корейского языка привлекаются им при обсуждении вопроса об отношении японского языка к алтайской семье языков.¹⁻² Позже, в конце 30-х годов он пишет известную статью, которая специально посвящена отношению корейского языка к алтайской семье.³

Российская, и прежде всего петербургская наука о языках Востока к концу 20-х годов трудами Б.Я.Владимирцова и Н.Н.Поппе накопила достаточно объемный фактический материал, позволяющий обсуждать вопрос о генетическом родстве и общности происхождения таких групп языков, как монгольские, тунгусо-маньчжурские и тюркские языки. В 1927 году была опубликована статья Е.Д.Поливанова "К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков, в которой получили характеристику общие типологические черты, объединяющие корейский язык и вышеназванные языковые группы алтайской семьи, а также приведен ряд лексических сходств

¹ G.J.Ramstedt. 1) A Comparison of the Altaic languages with Japanese [1924]; 2) Two words of Korean-Japanese [1926] // Journal de la Societe Finno-Ougrienne, 55. Helsinki, 1951. (ἰῶῶῶῶῶ ἑῖῖῖῖ ἰῶῶῶῶῶ ἰῶῶῶῶῶ).

³ G.J. Ramstedt. Ueber die Stellung der Koreanischen [1939] // Journal de la Societe Finno-Ougrienne, 55. Helsinki, 1951.

корейского языка и алтайских языков. Несмотря на то, что лексический материал, приводимый Е.Д.Поливановым, был довольно ограниченным, проанализированные факты позволили ученому достаточно точно указать место, которое должен занимать корейский язык среди родственных ему групп алтайских языков: "...корейский (подобно турецким и чувашскому) представляет следующий по отношению к монгольскому (и маньчжуро-тунгусскому) этап в сокращении звукового состава коренных морфем, тот самый этап, к которому стремится современная эволюция живых монгольских языков".⁴ Е.Д.Поливанов был намерен продолжать изучение данной проблемы, в частности, написать статью о фонетических соответствиях согласных,⁵ однако этому не суждено было осуществиться вследствие целого ряда причин, препятствующих сравнительно-историческому изучению алтайских языков не только во второй трети XX века, но отчасти и в наши дни.

Алтаистика как научная дисциплина, изучающая вышеназванные группы языков как составляющие единую семью, опиралась и опирается на ортодоксальную методiku сравнительно-исторического языкознания, выработанную при изучении истории индоевропейских языков. Эти же методы были характерны и для российской алтаистики конца 20-х-30-х годов - однако они были совершенно неприемлемы для официального языкознания, где господствовало "новое учение о языке" Н.Я.Марра⁶: соответственно считались лженауками не только "буржуазная" индоевропеистика, но и научная компаративистика вообще, а сравнительное языкознание было сведено к произвольному сопоставлению слов самых разных языков (к несчастью, в отдельных этнографических трудах в России наследие "нового учения о языке" продолжает жить до наших дней). Сам Е.Д.Поливанов с конца 20-х годов был жертвой мощного идеологического давления, а в 1937 году был репрессирован - понятно, что ни о каком продолжении исследования алтайской и корейско-алтайской проблемы в рамках классического сравнительно-исторического языкознания не могло быть и речи. Историческое изучение монгольских языков в это время сосредоточивается на изучении старейших формаций монгольских языков, в тюркологии обозначаются два направления: изучение письменных памятников и живых языков и диалектов. Обобщающий труд в области тунгусо-маньчжуроведения, написанный с позиций сравнительно-исторического языкознания - книга В.И.Цинциус "Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков" (1949) был подвергнут жестокой критике именно за то, что в нем полностью игнорировалось "новое учение о языке".

В сложившихся условиях, даже после того, как "новое учение о языке" Н.Я.Марра было официально дезавуировано, алтаистические исследования прошлых десятилетий получили странное специфическое восприятие. С одной стороны, всякий произвол в интерпретации языковых сходств был осуждаем, и сравнительно-генетическое изучение неиндоевропейских языков было освобождено от догматов марровского "учения". С другой стороны, критерии родства языков приобрели откровенно школярский характер, по уровню восприятия соответствующий учебнику по введению в языкознание: если родство языков не очевидно - оно отсутствует, а те, кто его ищет, заведомо неправы. Исследования в области серьезных проблем родства языковых групп, где

⁴ А.А.Ивееааааа. Ё апаоіно і діанаоаааііно іоіноаіеуо еідаеіеіаі е "аедаеіеіеіо" уеіеіа [1927] // А.А.Ивееааааа. Њоаоуе іі іауаіо уеіеіеіаіеіе. І., 1968. Њ. 159-160.

⁵ Њ. А.А.Ивееааааа. Оеае іі+. Њ. 164

⁶ Њ. А.І.Аетаоіа. Епоіодеу іаіаі іеаа. І., 1991.

материал по сравнительной фонетике не был в достаточной мере накоплен и систематизирован; поисковые исследования начального этапа изучения проблемы родственных связей алтайских языков, родства алтайских и уральских языков, генетической принадлежности и отдаленных связей “палеоазиатских” языков и языков Дальнего Востока - вся эта проблематика стала вызывать определенное раздражение среди специалистов. Это в целом понятно: отчасти на памяти ученых произвольные сравнения марровских времен и процветающий дилетантизм, но отчасти это объясняется и тем, что многие установки марровского учения оказались слишком живучими в российском языкознании и напоминают о себе до сих пор.⁷ Сюда надо отнести постулаты о независимом развитии языков от простого к сложному, преувеличение роли контактов в эволюции языков, неясность в обусловленности фонетических изменений, объясняемых либо действием внешних факторов, либо применением аппарата донаучной фонетики XIX века, представления о том, что в праязыке слова имели только одно, причем весьма конкретное значение и т.д.

Зарубежная алтаистика в 40-е-50-е годы нашего века достигла значительных результатов благодаря известным трудам Г.Рамстедта и Н.Н.Поппе. заслуживает особого внимания бережное отношение к научному наследию Г.Рамстедта, относящемуся к материалам по корейско-алтайским параллелям, со стороны корейских ученых. В сравнительных грамматиках алтайских языков, написанных Рамстедтом и Поппе, выполнено главное условие обоснования языкового родства - приведены регулярные фонетические соответствия между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также корейским (Г.Рамстедт) языками. Тем не менее эти труды не получили широкого признания - вероятно, вследствие того, что приведенные соответствия по характеру были слишком простыми и тем самым должны были указывать на достаточно близкий характер родства языковых групп, что не находило должного подтверждения в количестве иллюстративного материала. Те же особенности - ориентация на известные (довольно тривиальные) соответствия и ограничение количества материала, сведенное к 100-словному списку М.Сводеша, характерно и для известной книги С.А.Старостина,⁸ однако в отличие от многих других публикаций, она содержит попытки пересмотра ряда фонетических соответствий, новые фонетические наблюдения и лексические сближения, и является значительным шагом вперед в освещении родства всех пяти известных групп алтайских языков (монгольские, тунгусо-маньчжурские, тюркские языки, корейский язык, японский и рюкюский языки).

В свою очередь весьма странным оказывается то обстоятельство, что именно в западной науке о языках Центральной и Восточной Азии получили распространение попытки пересмотреть критерии родства языков или постулировать какие-либо иные отношения между языками и языковыми семьями, так или иначе исключаящими или оттесняющими на второй план генетическое родство. Эти тенденции, получившие в трудах сторонников генетического родства алтайских языков общее наименование “антиалтаистика”, отчасти связаны с именем и трудами Г.Дерффера и некоторых его последователей. для этого направления весьма характерно создание нового по сравнению с традиционной компаративистикой формального аппарата, описывающего

⁷ Уојс јотааеја тп̄аууаја ејаа: А.А.Надаадаијеја. Ї јаоаеаееное+анети п̄аојаа е јаејаеји уџеа. Ї., 1983.

⁸ N.A.Noaoinoi. Aeoaeiaiu joiaceia e joienoiaaeitea yifinetai ujea. I., 1991.

родственные отношения языков - выделение “базисной”, “ядерной” и “периферийной” лексики, объяснение лексических сходств какими угодно причинами, кроме непосредственного родства: например, утверждается, что слово “язык, хйэ, tongue” не может служить основанием для признания генетического родства, так как во многих языках оно имеет латеральный согласный l - но исключением из этого правила являются корейский язык, русский язык, немецкий язык (тот, на котором излагаются данные соображения), ради экзотики можно указать на юкагирский язык, где это слово звучит как “ванар”. Понятно, что такой пересмотр методов исследования в индоевропейском языкознании был бы невозможен - с помощью подобных приемов может быть “доказано” то, что современные индоевропейские языки не являются родственными, а это заведомо абсурдно. Чрезвычайно важно то, что противники генетического родства алтайских языков под любым предлогом налагают полный запрет на исследование отдаленных родственных связей языков, включаемых в алтайскую семью - как внутри нее, так и за ее пределами, и с неодобрением реагируют на все попытки усовершенствовать частные групповые реконструкции - получается, что ученые могут сколько угодно ошибаться при опровержении родства языков, но не имеют права ошибаться при его обоснованиях. Подобная позиция может быть обоснована исключительно излишней амбициозностью и желанием любой ценой сохранить научные позиции.

В изучении сравнительной фонетики алтайских языков традиционно оставался без внимания такой существенный ее аспект, как линейная фонологическая структура слова и соответствия фонем по позициям в слове. Новые данные, полученные нами в ходе исследований, позволили пересмотреть известные фонетические соответствия, установить некоторые ряды соответствий, не отмеченные ранее, а также изложить классификацию алтайских языков по объему архаизмов и инноваций, в соответствии с чем устанавливается ориентация общеалтайской реконструкции на материал отдельных групп языков⁹.

1. Монгольские языки, в особенности среднемонгольский и письменный монгольский, в отношении системы согласных и в отношении фонетической структуры слова отражают архаическое состояние наилучшим образом. Единственной значимой инновацией в них является утрата анлаутного *p^h-, сохраняющемся в среднемонгольском h-.

2. Тунгусо-маньчжурские языки, сохраняя по отдельным подгруппам значительное число архаизмов - в частности, система анлаутных согласных сохранена почти без изменений в нанайской и ульчском языках, по сравнению с монгольскими языками демонстрируют ряд инноваций в сочетаниях согласных внутри слова, сводящимся к позиционным изменениям преконсонантных согласных или изменениям групп согласных, однако линейная фонологическая структура слов в этих языках в целом сохраняется. Заметные преобразования, которые претерпела система фонем в ауслaute, прослеживаются исключительно по данным внешнего сравнения тунгусо-маньчжурских языков с монгольскими и тюрскими языками.

⁹ Ёи. А.А.Аодуеи. 1) Ёаеюиоиа тоёаеиу аодое-анеёаё неёаёадоаёаёу а аеодоёеёо уёуеао а наооа ёаюо поаёеодоёеи-оёаёе-анеёо даёунеёаёе.// Оаёену 1 ёиодоёаёе ё оаёодоёе-анеёе еёаёаёеёеа. Ё., еёа. ДААО, 1993, н. 29-31; 2) Ёауаеёоаёеу даёинодоёеёоу ё ёауаёоёеёа ёиёюёеа: ёиёюёаёеа ёеаёоёуо ёиёиёаёоёу адоё. / Оаёену 1 ёиодоёаёе ё оаёодоёе-анеёе еёаёаёеёеа. Ё., еёа. ДААО, 1993, н. 32-34; 3) Ёиёюёаёеа ёауаеёоаёеёе даёинодоёеёе ё ёауаёоёеёа ёиёюёеу а наооа ёиёаёоёаёе ёеаёоёуо ёиёиёаёоёу адоё.// ×оаёоёеёе уёуё ё аеодоёеёе. ×аёёеаюу, 1995, н.14-18.

3. Корейский язык сохраняет систему анлаутных согласных в почти неизменном виде, утрачивается лишь исходное противопоставление двух рядов согласных - глухих и звонких (сильных и слабых) согласных. По единодушному мнению, сильные (геминированные) и придыхательные согласные имеют относительно позднее происхождение и не будут иметь соответствий на общеалтайском уровне. В позиции внутри слова в корейском языке заметна тенденция, характерная для поздних состояний монгольских и тунгусо-маньчжурских языков - изменение групп согласных, часть проявлений которого ныне реализуется в виде чередований типа так “курица”- талгал “куриное яйцо”: архаический облик таких слов сохраняется в их написаниях.

4. Японский язык демонстрирует дальнейший этап эволюции общеалтайского состояния, черты которого лучше сохраняются в древнеяпонском, нежели в современном японском языке. Так, анлаутное *r^h-, сохраняющееся в древнеяпонском языке, изменилось в h- в современном японском (соотношения тут такие же, как между южнотунгусскими и севернотунгусскими языками). Сочетания согласных внутри слова в современном японском языке преобразованы и утрачены, хотя они восстанавливаются по старым заимствованиям из японского языка в айнский язык.

5. Тюркские языки показывают нам самое позднее из известных нам состояний отдельных групп алтайских языков уже на уровне общетюркского праязыка и языка древнейших памятников. Здесь полностью утрачено анлаутное *r^h- (поиски его рефлексов выглядят бесперспективными), противопоставление звонких и глухих согласных нейтрализовано (попытки его проследить не очень убедительны и ставят больше вопросов, нежели дают ответов), анлаутные сонанты конвергировали с гомоорганными шумными, а согласные *d-, *ʒ-, *l-, *n-, *nʹ-, *j- совпали с *j - эти факты известны. В позиции внутри слова все без исключения исходные сочетания согласных утратили первый элемент уже в общетюркском праязыке, а синкопа гласных второго слога привела к образованию вторичных сочетаний согласных. Процесс утраты преконсонантных согласных *r и *l в сочетании со среднеязычными, имевший место на морфемных стыках и сопровождавшийся образованием морфологических вариантов слов, привел к образованию квазисоответствий r ~ z, l ~ s, на долгие годы ставших камнем преткновения в алтаистике и тюркологии (факт, что *r и *l являются первыми компонентами групп согласных, а z и s, рефлексам вторых компонентов согласных, при этом иногда принадлежащих другой морфеме, при игнорировании линейной структуры слова является ненаблюдаемым). Преобразования ауслатных структур в тюркских языках затемнены большим количеством вторичных производных, однако похоже, что в этих языках имела место утрата конечных согласных, а впоследствии и гласных последнего слога. В такой ситуации восстановление тюрко-монгольских праформ - то, на что алтаистика потратила многие десятилетия - не имеет перспективы, так как в подавляющем большинстве случаев здесь в качестве праформы выступают собственно монгольские формы, в то время как самые древние тюркские формы демонстрируют большее сходство с формами современных монгольских языков, нежели с древнемонгольскими. То же справедливо в отношении тунгусо-маньчжурских языков: тюркские формы более сходны с теми языками, фонетическая структура которых сильно изменена - ороцким, ульским, нанайским; аналогичные изменения показывает эвенский язык, более других тунгусо-маньчжурских языков подвергшийся тюркскому (якутскому)

воздействию. Таким образом, получается, что Е.Д.Поливанов, намечая направления изменения структуры слова в алтайских языках и указывая на место корейского языка среди алтайских языков, был во многом прав и в высказанных идеях значительно опередил свое время.

Данное положение корейского языка среди других алтайских языков определяет те конкретные задачи, которые ставятся перед компатативистами. Дальнейшее историческое изучение фонетики и лексики корейского языка в сравнительно-исторической алтаистике сведется к идентификации корейских слов с теми общеалтайскими праформами, которые восстанавливаются на основании материала монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Следует иметь в виду, что в целом архаический характер системы согласных корейского языка гарантирует тут достаточную надежность получаемых результатов - эта степень надежности будет большей, чем надежность японо-алтайских сопоставлений или даже монголо-тюркских сопоставлений, если, конечно, не вести речи о прямых взаимных заимствованиях.

В свете сказанного выше становится понятной внутренняя логика алтаистики как науки о генетическом родстве алтайских языков и отношения к ней со стороны специалистов по истории отдельных групп алтайских языков. Среди сторонников генетического родства алтайских языков преобладали монголоеды и тунгусо-маньчжуроведы, в особенности те, кто владел материалом обеих групп языков (имена Г.Рамстедта и Н.Н.Поппе, изучавших тунгусо-маньчжурские языки в полевых условиях, говорят сами за себя) - специалисты по наиболее архаичным группам алтайских языков, к которым наиболее близко реконструируемое состояние. Кореисты и японисты проявляли определенные колебания, их отношение к идее родства корейского и японского языков с алтайскими соизмеримо с тем положением, какое занимают эти языки в истории отдельных групп алтайских языков - причина тут в том, что если исходить из древнекорейского или древнеяпонского состояния, то извлечь из того и другого общеалтайскую реконструкцию намного труднее, нежели из общемонгольского. Понятно и то, почему именно тюркологи проявляют отрицательное отношение к идее генетического родства алтайских языков или относятся к исследованиям в этой области почти безразлично; если идти от общетюркского состояния - самого позднего, структурно соизмеримого с сильно видоизмененными современными монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками - к общеалтайской реконструкции, то из тюркского материала ничего конструктивного получить не удастся - как невозможно восстановить индоевропейское состояние, если исходить из современного английского языка.

Основные положения общеалтайской реконструкции в новом варианте выглядят следующим образом:

- 1) Долгие и краткие гласные тунгусо-маньчжурских языков имеют разные качественные соответствия в монгольских и тюркских языках;
- 2) Тунгусо-маньчжурские дифтонгоидные гласные [иа] и [ие] восходят к разнотипным сочетаниям гласных с j-;
- 3) Долгие гласные тюркских языков, возможно, отражают акцентные или квантитативные противопоставления, ибо не объясняются как собственно тюркская инновация;
- 4) Тунгусо-маньчжурский сингармонизм с тремя сериями гласных - групповая инновация, связанная с утратой переднерядного [о] и специфической историей долгих гласных;
- 5) Рефлексия отдельных согласных перед исходными краткими и долгими гласными может быть различной: в частности, ряд нетривиальных проявлений

составляют исключения из закона Рамстедта-Пелльо о соответствиях согласного *p^h ~ *h; 6) Так называемый третий ряд согласных, часто рассматриваемый как придыхательные, очевидно, представлял собой набор спирантов (*f, *d, *z, *x, также, возможно, другие), не составлявших коррелятивных пар для звонких или глухих согласных или же не был представлен во всех локальных рядах согласных; 7) Рефлексы исходного лабиального глухого *p- распределены между рефлексами *b и *p^h(*f), но отличаются по позиционному распределению; 7) Согласный *p^h(*f) встречается во всех позициях в слове, а не только в анлауте; в позиции между гласными его рефлексы распределены между b и p (в монгольских языках g~ #), в преконсонантной позиции он сохранен только в тунгусо-маньчжурских языках, в постконсонантной позиции - только в монгольских языках; 8) В тунгусо-маньчжурских языках действует запрет на употребление согласных d, t, ʒ, c в позиции перед согласным: данные согласные в севернотунгусских языках изменились в г (иначе соответствия севернотунгусских сочетаний gk южнотунгусским ʒ, c, необъяснимы); 9) Согласный *x- (т.ма. # ~ x, монг., тюрк. k, корейск. *k прослеживается также во всех позициях в слове; в позиции между гласными соответствия т.-ма. -g/k-, монг. -j-, тюрк. g/k, в преконсонантной позиции этот согласный сохраняется только в тунгусо-маньчжурских языках, в постконсонантной позиции - только в монгольских языках (рефлексы согласных *p^h и *x по трем группам языков абсолютно симметричны!), в абсолютном исходе слова согласный *x сохраняется в монгольских языках в виде -g, в тюркских - в виде k/g, в тунгусо-маньчжурских языках он утрачен со следами в виде перехода широких гласных в узкие; 10) Тунгусо-маньчжурский заднеязычный сонант ng имеет минимум два ряда соответствий в других языковых группах, что при различии позиционного распределения аллофонов согласных g в тунгусо-маньчжурских языках с одной стороны и в монгольских и тюркских с другой стороны, может указывать на существование в исходной системе звонкого щелевого *g; 11) Во всех без исключения исходных сочетаниях согласных в тюркских языках первый согласный подвергся выпадению, все сочетания согласных в тюркских языках вторичны, а совпадения слов с сочетаниями согласных в тюркских и других языках (монгольских или тунгусо-маньчжурских) являются результатом заимствования; появляется дополнительный критерий для разграничения исконно общеалтайской и заимствованной лексики и для идентификации заимствований; 12) Регулярность фонетических соответствий не означает их однозначности и однолинейности; при наличии значительного количества нетривиальных, плохо предсказуемых соответствий фонем какое-то количество рядов соответствий может временно оставаться без объяснения или даже не замечаться; 13) В отдельных группах алтайских языков - монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских, взятых порознь, наблюдается такое количество необъяснимых нарушений регулярности и однозначности соответствий, что это не может служить основанием для отрицания родства алтайских языков или каких-либо сомнений. Достаточно напомнить, что в двух известных корейско-тунгусских соответствиях корейск. тол ~ эвенкийск. Золо “камень” и корейск. тул ~ эвенкийск. Зу:р “два” корреспонденции согласных отклоняются от системно предсказуемых однозначных соответствий среднеязычных согласных.

А.А.Бурькин

Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках

В докладе обращается внимание на то, что система фонетических, прежде всего консонантных соответствий в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках у всех исследователей сравнительно-исторической фонетики алтайских языков (Г.Рамстедт, Н.Поппе, М.Рясянен, С.А.Старостин) строилась на постулате об изоморфизме линейной фонологической структуры слова: интервокальные согласные соотносились с интервокальными, преконсонантные - с преконсонантными, постконсонантные - с постконсонантными, при этом попытки описания набора сочетаний согласных, общих для алтайских языков, почти не давали результата. К объективным недостаткам общеалтайской реконструкции, помимо этого, относились количественная ограниченность объема лексических совпадений при значительной простоте фонетических соответствий. Изучение регулярности фонетических соответствий в ряде известных лексических изоглосс, таких как мо. *agta moɣin* - тюрк. *at* конь, лошадь, ма. *индахун* - тюрк. *it* собака, реинтерпретация соответствий в таких примерах, как мо. *elzigen* тюрк. *eshak* осел и обнаружение новых лексических соответствий позволили обрисовать соотношение линейной фонологической структуры слова в отдельных группах алтайских языков и проследить изменения линейной структуры слова как в отдельных языках, так и в отдельных группах языков уже на уровне групповой реконструкции. При этом монгольские и тюркские языки занимают в этом соотношении полярные позиции, если линейная структура слова в монгольских языках соотносится с алтайской реконструкцией, то линейная структура слова в тюркских языках уже на уровне древнейших памятников и на уровне общетюркской реконструкции оказывается значительно модифицированной в сторону упрощения. Описываемые изменения линейной структуры слова могут быть представлены в виде следующих формул: 1) для слов с ритмической структурой CVCCV и сочетанием согласных во втором слоге: $*(C)V_1C_1C_2V_2(C) > (C)V_1C_2$ (гласный второго слога в тюркских языках сохраняется только при его этимологической долготе); 2) Для слов с ритмической структурой CVCVCV и кратким гласным второго слога: $*(C)V_1C_1V_2C_2V_3(C) > (C)V_1C_2$.

Упрощение структуры слова за счет модификации согласных в преконсонантной позиции, приводящее сначала к уменьшению числа согласных, способных встречаться в этой позиции, а затем и утраты первого компонента сочетаний согласных, является общей тенденцией эволюции отдельных тунгусо-маньчжурских языков (негидальского, ороцкого, нанайского), и отдельных монгольских языков, таких, как дагурский язык с его специфическим ротацизмом и языки Внутренней Монголии. Изменение ритмической структуры слова с выпадением срединных и отпадением конечных гласных прослеживается в современном монгольском языке в отношении к письменному монгольскому, а также в эвенском языке по отношению к эвенкийскому. Изменение ауслатных фонетических структур, приводящее к тому, что в общетюркском языке могли утрачиваться конечные комплексы VC, вероятно, обусловлено морфологическими причинами, в частности, развитием системы отыменных существительных и появлению морфологических вариантов слов с тождественным значением

Тунгусо-маньчжурско-монголо-тюркские соответствия:

арбун стрелка	qарсаq место слияния реки с притоком
ламба выюк, подкладка	jabı войлочная подкладка на седло и под
седло	
	под седлом
бур. олбо белка-летяга	тув. авырган белка-летяга
мо. olbu, ob (< тюрк.) осел	
илби язычок,	мо. ilbegesun uvula кирг. комокой язычок
алду звук	aldar слава, имя at имя, слава.
	aldu- упустить, уронить at- стрелять, бросать
	kelberı форма, вид кер форма, вид
хи:нда= толкать	it= толкать
сагди старый	тат. сазаган пожилой, немолодой,
старый	
о:нди вода	бур. ондоли родник ozuk водоем
гургакта борода, усы	bidıq усы
ирги хвост	quduquq хвост
	guldurı- течь, струиться qud, quj - лить
гилдэ= развернуть	guldaı- лежать врастяжку тат. киерҮ растягивать
тигдэ дождь	тат. тоб. ту:скак мелкий дождь
тэпти- пробить	tesh-пробить
о:птат ждать	kut- ожидать
хуптэ- вспороть	utlash - продырявливать
окто лекатство, порошок	ot лекарство
эптин” кайма платья на подоле	etак пола платья
эпчирэ обувь	etik, etuk мягкая обувь
байту скала	мо. baıca утес алт. межелик, тув. мажалык
сопка	
култир занавеска	koshıg занавеска
мулту- выпустить, отпустить	boshu- освободиться
синзу- сонзи - выбирать	sec- выбирать
ганзука торока	ganzugan торока qasuq мех, бурдюк, туреук
	elzigen осел eshak осел
	bulzara- разваривать bish- развариваться
	sinzi- наблюдать sez- чувствовать, ощущать
зилчха(н) поросенок	zulzagan поросенок sosıq поросенок
	zilberke- привязаться sev- любить
залка- идти мелкому снегу	jag- идти, падать (о дожде,
снеге)	
загда сосна	алт. дьойгон пихта, тел јојгон ель
ма. чэбкэ плоская сторона бабки	сік вогнутая сторона
альчика	
чилчун опухоль	colcung опухоль shish опухоль
чимчуктэ шишка, почка растения	cesак цветок
чимчэн мизинец	сіcalaq мизинец
чон”ки клевать, долбить	тат. чоку долбить, чуку
клевать	

ламба вьюк, подкладка седло		jabi войлочная подкладка на седло и под под седлом
бур. олбо белка-летяга мо. olbu, ob (< тюрк.) осел	тув. авырган белка-летяга	
илби язычок, алду звук	мо. ilbegesun uvula aldar слава, имя	кирг. комокой язычок at имя, слава.
	aldu- упустить, уронить kelbergi форма, вид	at- стрелять, бросать ker форма, вид
хи:нда= толкать сагди старый		it= толкать тат. сазаган пожилой, немолодой,
старый		
о:нди вода гургакта борода, усы ирги хвост	бур. ондоли родник gulduri- течь, струиться	ozuk водоем bidiq усы quduquq хвост qud, quj - лить
гилдэ= развернуть тигдэ дождь тэпти- пробить	guldai- лежать врастяжку	тат. киерҮ растягивать тат. тоб. ту:скак мелкий дождь tesh-пробить
о:птат ждать хуптэ- вспороть		kut- ожидать utlash - продырявливать
окто лекаство, порошок эптин” кайма платья на подоле эпчирэ обувь		ot лекарство etак пола платья etik, etuk мягкая обувь
байту скала	мо. baica утес	алт. межелик, тув. мажалык
сопка		
култир занавеска мулту- выпустить, отпустить синзу- сонзи - выбирать ганзука торока		koshig занавеска boshu- освободиться sec- выбирать ganzugan торока qasuq мех, бурдюк, турсук elzigen осел eshak осел bulzara- разваривать bish- развариваться sinzi- наблюдать sez- чувствовать, ощущать
зилчха(н) поросенок	zulzagan поросенок	zosuq поросенок zilberke- привязаться sev- любить
залка- идти мелкому снегу снеге)		jag- идти, падать (о дожде, алт. дьойгон пихта, тел jоjгон ель сік вогнутая сторона
загда сосна ма. чэбкэ плоская сторона бабки		
альчика		
чилчун опухоль чимчуктэ шишка, почка растения чимчэн мизинец чон”ки клевать, долбить	colcung опухоль	shish опухоль cesak цветок сіcalaq мизинец тат. чоку долбить, чуку
клевать		
ма. чин”ка= наполнять ма. сончохо коса, прическа ке:лчи лыжа-волокуша хэпкэрипчу горький		tiq- набивать, засовывать sac волосы тур. kizak санки eksig кислый

илча-плести		тат. ишҮ вить, свивать
ма. ганчухан лодыжка		алт. кажык лодыжка
алчухан лодыжка	alsu	ashuq лодыжка
омчик топь, трясина, болото		чув. ушах трясина
	bulcarxai железа	bez железа
гокчи сова		куманд. кучак филин
	xurca острие	uc конец
	habcigina- бегать из стороны в сторону	qac-бегать
	nabci лист	jash зелень
нан. гормахон заяц		як. куобах заяц
	balcing орнамент	bezak украшение
парго- шуметь (о дожде)	asxa- лить	aq- течь
ирги- вскормить, воспитать		igit- кормить, содержать,
ВОСПИТЫВАТЬ		
орок. колпикта веко		qaraq веко
ма. хукса птица ловчая		qush птица, сокол для охоты
ма. акша- протухнуть, прогоркнуть		acig горький
эвенк. мэкчиргэ сова < якут.		тув. межерген сова
	elxeg сито, решето	ek-сеять, сыпать,
		elga- сеять, просеивать
баркира-реветь		baqir- реветь
	zidku- тянуть	cek- тянуть
ма. самси- рассыпаться		sac- сыпать, рассыпать
амсир горностаи		as горностаи
та.кса глина	togosun грязь, пыль	toz, tuz пыль
эвенк. алмат плацента	harbusun плацента	qar плацента
ма. сонгина лук дикий	songgina	sogun лук
эмн”э широкий		keng широкий
	agta morin	at лошадь, конь
нан. инда, ма. индахун собака		it собака
	buselegur, дагур. бэслэр	bel поясница